

повседневного либо научного “запаса знаний” (последний термин принадлежит А.Шюцу).

II Натурализм

Тема 4: Позитивизм и дедуктивно-номологическая модель объяснения.

Возможны ли охватывающие законы в социальных науках? Пример:

натуралистская модель рационального действия.

Термин “позитивизм” давно утратил строгое значение, так как под ним понимают множество различных вещей: тезис единства метода как таковой; натурализм в социальной философии; идеал позитивной науки, основанной на эмпирическом наблюдении; индуктивизм в теории познания; логический эмпиризм (П.Хафпенни). Особую роль в философии социальных наук сыграли натурализм (т.е. позитивизм как тезис единства метода), а также философская доктрина логического позитивизма. Эти две разновидности позитивизма составили “устойчивое ядро” натуралистских моделей объяснения в социологии, и по этой причине, как уже говорилось, они употребляются в качестве синонимов.

Развитие формальной логики отношений, кульминацией которого стал выход “*Principia Mathematica*” А.Уайтхеда и Б.Рассела (1910-1913), позволило рассматривать выраженную в алгебраической форме логику как *универсальный и свободный от контекста язык пропозициональных переменных*. Язык логики - это совокупность синтаксических правил, позволяющий исчислять истинность составных переменных, исходя из истинности либо ложности составляющих их элементарных пропозиций. Исходя из этого, логический позитивизм Венского кружка выдвинул тезис о том, что реальная задача философии науки заключается в логическом анализе языка науки. (Заметим, что единство логического языка в этом случае становится дополнительной гарантией единства научного метода.) В частности, предполагалось, что философские проблемы социальных наук могут быть разрешены посредством их перевода на язык формальной логики, т.е. язык отношений между пропозициями. Логический анализ языка науки приведет к устранению “метафизических” высказываний и вычленению эмпирически проверяемого содержания научного знания.

Проект эпистемологической реформы, предложенный в работах логических позитивистов, стал объектом весьма острой полемики. Самые сильные аргументы и поправки были сформулированы преимущественно теми философами и логиками, которые сами испытали некоторое воздействие идей кружка. Наиболее уязвимыми точками логико-позитивистского проекта стали проблемы **редукции, демаркации теоретических и обсервационных высказываний, атомизма, верификации**.

Однако радикальный логицизм “венцев” позволил преодолеть главное препятствие, стоявшее на пути классических “позитивизмов”, философской основой которых служил эмпиризм Юма. Логический эмпиризм позволил создать последовательную

логическую доктрину *теоретического объяснения* в науке. Такой доктриной стала *дедуктивно-номологическая модель объяснения*, или *модель охватывающего закона*.

Эта доктрина предполагает, что основная особенность научных объяснений, отличающая их от описаний и семантических объяснений, заключается в том, что основу научных объяснений составляют **общие законы**. Первая формальная логическая модель, описывавшая роль общих законов в историческом объяснении и предсказании, была предложена К.Гемпелем (К.Гемпель, 1942; Гемпель и Оппенхайм, 1948). Дедуктивно-номологическая модель Гемпеля стала самым большим успехом натуралистского подхода к социальным и гуманитарным наукам во второй половине XX века. Концептуальным ядром этой модели являются три основных тезиса:

- 1) объяснение и предсказание симметричны;
- 2) общие законы, в конечном счете, являются каузальными высказываниями, т.е. описывают причинную связь между событиями;
- 3) хорошее объяснение и в естественных, и в социальных науках соответствует трем нормативно-логическим критериям оценки:
  - экспланандум (то, что подлежит объяснению) может быть логически выведен из экспланантов (объясняющих высказываний);
  - в число экспланантов входит правдоподобный общий закон, из которого экспланандум выводится с логической необходимостью;
  - эксплананты должны удовлетворять критерию эмпирической проверяемости.

В модели Гемпеля в число экспланантов входят *общие законы*, “охватывающие” подлежащие объяснению явления, и *посылки, описывающие начальные условия* (антецеденты) объясняемых событий.

Рис.1

Гемпель утверждал, что его модель в равной мере применима к естественным наукам и наукам о человеке и обществе.

Критики Гемпеля, принадлежавшие к *антинатуралистскому* лагерю (особенно У.Дрей, М.Мандельбаум), немедленно указали на то, что в истории и социологии широко используется модель теоретического объяснения, которая, по их мнению, не может быть описана с позиций формальной модели охватывающего закона. Речь шла о *модели рационального действия*, в которой поступки действующих объясняются *целями*, которых они стремятся достичь. К моделям рационального действия относятся и объяснения действий как “следования нормам”, и модели рационального выбора, в которых деятель осуществляет выбор между альтернативными способами действия, исходя из принципа максимизации полезности (теория рационального выбора)⁹.

⁹ Модели рационального действия (или “рационального деятеля”), в свою очередь, являются подклассом моделей интенционального действия. К последним относятся и все теоретические объяснения, содержащие ссылки на субъективные основания действия

В ответ на критику Гемпель показал, что само понятие “рациональности” в исторических и социологических объяснениях является нормативно-логическим, указывая, по сути, лишь на степень соответствия действий требованиям некоторой нормативной системы (содержательно эта нормативная система может быть и моральной доктриной, и совокупностью правил расчета “рентабельности”), и, следовательно, объяснения действий как разумных или рациональных не являются *эмпирическими законами*¹⁰. Понятие “рациональности” приобретает объяснительную силу, лишь будучи истолкованным в качестве *диспозиции, предрасположенности поступать определенным образом*. Иными словами, никакие обоснованные утверждения сами по себе не обладают побудительной силой, способностью непосредственно мотивировать действие (например, убежденность в том, что курить - вредно, в принципе совместима с приверженностью вредной привычке; обычно предполагается, что практическая реализация убеждения, помимо “голой” идеи, требует установки, мотива, волевого усилия и т.п.). Гемпель утверждает, что *рациональность как диспозиция* может быть включена в дедуктивно-номологическое объяснение, т.е. объяснения, включающие в себя ссылки на соответствие поведения индивида (или группы) его разумным убеждениям и желаниям, представляют собой специальный случай модели охватывающего закона. Адекватное объяснение рационального действия, с точки зрения Гемпеля, должно соответствовать следующей логической схеме (“схеме R”):

(1) Деятель А находился в ситуации типа С.

(убеждения и желания), намерения, диспозиции действующего. Интенционалистским моделям действия противостоят, как мы увидим позднее, бихевиористские модели действия.

¹⁰ С другой стороны, оппоненты Гемпеля неоднократно и справедливо указывали на то обстоятельство, что вне соотнесения с таким стандартом рациональности просто невозможно эмпирически отличить социальные действия от физических “поступков” (в ответ на это его сторонники неоднократно указывали, что этот аргумент обнаруживает лишь “семантический” и основанный на тавтологии характер такого различения).

(2) А являлся рационально действующим агентом.

(3) В ситуации типа С любой рациональный агент делает X.

Следовательно, А сделал X.

Схема Гемпеля, однако, требует принятия нескольких дополнительных предпосылок: а) о существовании конечного множества известных действующему исходов действия (И₁, И₂ ...), для которых определены взаимнооднозначно заданные способы действия (X₁, X₂ ...); б) о том, что у деятеля существует определенная иерархия предпочтений для возможных исходов; в) о том, что действующий предрасположен (имеет диспозицию) действовать, основываясь на конкретном критерии практической рациональности, максимизации полезности и т.п.

Гемпелевская реконструкция рационального объяснения действия охватывает множество реальных объяснений субъективно мотивированных (т.е. основанных на убеждениях и желаниях) поступков. Однако при более углубленном анализе становится очевидным, что и “схема R”, и ее предпосылки весьма уязвимы для критики. В сумме, основные контраргументы выглядят следующим образом:

- в самой схеме, с учетом перечисленных предположений, посылка (3), которая, по сути, и представляет собой *общий закон*¹¹ (по определению подлежащий проверке и являющийся собой эмпирическую генерализацию), в действительности выводится из исходных условий (1) и (2) чисто логически, т.е. является *аналитической истиной*, тривиально верной без всяких эмпирических доказательств, если первые две посылки верны;

- так как набор исходов и предпочтений меняется от ситуации С1 к ситуации С2 и от деятеля к деятелю, общий закон в “схеме R” будет общим лишь *ceteris paribus*, т.е. “при прочих равных” (“При условии, что возможные исходы одинаковы и вероятности разных исходов одинаково распределены, а также при условии одинаковой иерархии предпочтений у действующих...”). Иными словами, общность закона окажется обратно пропорциональной его правдоподобию;

- схема Гемпеля применима лишь к ситуациям, когда критерий рациональности может быть задан явно и однозначно (игры с известными исходами, элементарные операции экономического обмена);

- даже в последнем случае невозможно определить *объективный*, не зависящий от субъекта критерий рациональности.

Если первые три возражения лишь накладывают ограничения на степень общности и эмпирическую проверяемость модели объяснения Гемпеля, то последнее представляет собой решающий контраргумент не только относительно “схемы R” (которая, по сути, является лишь логической формализацией любого исторического или социологического объяснения целерационального действия), но и относительно любой *интенционалистской* модели объяснения действия, содержащей ссылки на мотивы, интересы, намерения действующего, **не исключая** и те модели следования долгу, нормам, культурному образцу, которые поддерживают антинатуралистские критики Гемпеля. Речь здесь идет о том, что *невозможно задать объективный критерий для приписывания субъектам интенциональных состояний* (Д.Дэйвидсон, А.Розенберг и другие участники дискуссии о “психической причинности”). Даже если принять единый критерий рациональности, то, например, если (1) “А думает, что Б умнее А” и

---

¹¹ Замена общего закона *вероятностной* закономерностью в данном случае не устраняет

(2) “Б думает, что Б умнее А”, рациональные способы действия для А и Б - включая разумные цели и желания, - будут различны или даже противоположны. (Эти “антименталистские” аргументы могут быть распространены, как мы еще увидим, и на интерпретативные и функционалистские объяснения.)

Применение модели рационального действия к *макросоциологическим агентам* (группам и институтам) ведет к некоторым дополнительным трудностям, связанным с невозможностью задать “разумный” групповой критерий рациональности, **равно** отражающий предпочтения или интересы отдельных членов группы (в социологической теории эти трудности проявляются, в частности, в спорах вокруг проблемы “общественного выбора”¹²; известна также иррациональность массового политического поведения вообще и голосования в частности).

Можно, однако, предположить, что неудачи, с которыми сталкивается модель “охватывающего закона” при попытке объяснить рациональное человеческое действие, связаны не столько с роковыми слабостями *натуралистской* исследовательской программы, сколько с недостаточно “обязывающим”, и к тому же чрезмерно описательным, характером понятий *рациональности* и *рационального действия*. Действительно, большая часть критических аргументов, относящихся к “схеме R”, так или иначе адресуется к этим понятиям. У натурализма, таким образом, остается еще одна возможность - отказ от рациональности и интенционального субъекта и создание модели, объясняющей не столько *действующих*, сколько *действия*. Эта альтернативная

проблему.

¹² Коллективное действие будет рациональным и максимизирующим общественную пользу лишь в том случае, если отдельные члены группы ведут себя не вполне целерационально, т.е. не пытаются максимизировать собственную прибыль, превратившись в “паразитов”, которые живут за счет других членов группы (Олсон). Примирить индивидуальный и коллективный критерии рациональности возможно лишь при введении некой условной “диктатуры”.

модель натуралистского социологического объяснения воплощена в уникальной исследовательской программе *социального бихевиоризма*.

Тема 5: Бихевиоризм и альтернативная программа натуралистского объяснения действия.

Бихевиоризм зародился в конце XIX века как одна из “классических школ” психологии. Американский психолог Э.Торндайк первым стал исследовать процессы научения у животных. Для этого он использовал строгий экспериментальный план с независимой переменной (подкрепление - отсутствие подкрепления) и специальное устройство - “проблемный ящик”, - позволявшее изолировать воздействие внешнего стимула и однозначно фиксировать и подкреплять успешные реакции животных. Торндайк пришел к выводу, что животные обучаются методом “проб и ошибок”, т.е. *основой систематического и целенаправленного* (относительно **внешнего**, заданного психологом-наблюдателем критерия) *изменения поведения являются случайные действия*. Отбор целесообразных реакций происходит благодаря их подкреплению, т.е. успешная реакция имеет большую вероятность последующего воспроизведения (“закон эффекта”); кроме того, если при одновременном воздействии раздражителей один вызывает реакцию, то другие также приобретают способность вызывать ту же реакцию (“закон ассоциативного сдвига”). Описанные механизмы изменения поведения в существенных чертах воспроизводили дарвиновскую эволюционную парадигму, но уже на индивидуальном (онтогенетическом) уровне.

Учение Павлова об условных рефлексах и предложенные им аппаратные методы изучения поведения также стали существенной частью того интеллектуального контекста, в котором формировалась исследовательская программа бихевиоризма.

Основные методологические принципы бихевиоризма были сформулированы Дж.Б.Уотсоном (второе десятилетие нашего века) применительно к психологии:

- психология должна изучать и объяснять поведение как совокупность наблюдаемых реакций, детерминированных стимулами внешней среды;
- использование объективного метода и объяснительных моделей естественных наук требует радикального отказа от менталистской терминологии и от поиска “конечных причин” поведения в сознании субъекта;
- описания поведения должны быть переведены с языка гипотетических сущностей сознания на язык эмпирически наблюдаемых реакций и стимулов.

Уотсон изгнал из психологии не только намерения, мотивы и образы, но и любые отсылки к нейрофизиологическому субстрату поведения, считая, что предположения о физиологических механизмах так же избыточны для поведенческих наук, как и менталистские гипотезы.

Однако наибольшее влияние на формирование современных бихевиористских моделей объяснения в социальных науках оказали взгляды Б.Ф.Скиннера. Скиннер попытался защитить натуралистскую версию анализа человеческого поведения, подвергнув последовательной критике все социологические и социально-философские теории действия, основанные на концепции “автономного человека” (“По ту сторону свободы и достоинства”, 1971; “Размышления о бихевиоризме и обществе”, 1978). Скиннер полагает, что критики бихевиористской программы исходят из ошибочной трактовки гуманизма как самодостаточного индивидуализма. Последний, в конечном счете, основан на противопоставлении свободы и достоинства человека как факта и ценности

детерминизму и натурализму “науки о поведении”. Скиннер утверждает, что традиционные трактовки свободы действия¹³ отличаются от бихевиористской лишь тем, что включают в детерминационный ряд внутренние состояния человека, а не реальные обстоятельства окружения, т.е. “контингенции подкреплений”. С его точки зрения и позитивистская парадигма, ориентированная на “социальные факты”, и социальный конструкционизм, сводящий социальное к определениям ситуации “с точки зрения действующего”, занимаются анализом теоретических фикций, тогда как реальными объектами изучения социальных наук должны стать исходные условия (антецеденты) поведения, само поведение и его последствия. Оперантная концепция действия, выдвинутая Скиннером, основана на идее *рекурсивной взаимообусловленности поведения и окружения*. Активные действия “организма” вызывают изменения “внешнего окружения”, причем указанные изменения оказывают обратное воздействие на “организм”, увеличивая или уменьшая вероятность воспроизведения вызвавших эти изменения поведенческих реакций (*оперантов*)¹⁴. Бихевиористская теория действия отнюдь не постулирует, как иногда утверждают, что человеческая деятельность может быть описана как сугубо рефлекторная и лишенная интенционального содержания. Постулат, радикально отличающий бихевиористскую модель объяснения от рационалистской (и шире - интенционалистской), может быть сформулирован довольно просто: *отношение действия к его исходу (результату) является случайным*. “Добихевиористские” теории действия, согласно Скиннеру, исходили из предположения о том, что внутренние (ментальные) антецеденты действия

---

¹³ В философских дискуссиях о свободе воли жесткому детерминизму противостоит так называемая либертарианская позиция. В упрощенной формулировке либертарианская концепция свободы воли может быть определена как *действительная способность поступить иначе в одной и той же ситуации, т.е. при неизменности как убеждений и желаний действующего, так и внешних условий*. В социологии “детерминистским” теориям действия противостоят “волютаристские”.

имеют какое-то отношение к “свободе воли”. Иными словами, психические причины получали некое моральное преимущество в сравнении с “внешними окружениями” действия. Однако ценой морального комфорта, достигаемого таким путем, является **невозможность объяснить** или **предсказать** реальное поведение с помощью отсылок к желаниям и убеждениям невидимого “внутреннего человека”, так как такого рода отсылки лишь **описывают** поведение в других терминах (“Я поехал в Париж, потому что хотел поехать в Париж”)¹⁵. Кроме того, неясно, чем внутренние детерминанты действия превосходят внешние, персонализированные в неких “Контролерах”. Более того, децентрализованные и безличные формы контроля со стороны “окружения” - являющегося, в значительной мере, непреднамеренным результатом предыдущих поступков людей, - представляют значительно большую угрозу индивидуальной свободе, чем очевидные формы принуждения.

Скиннеровская версия бихевиористского объяснения говорит в большей мере о детерминированности (и свободе) действий, а не деятелей¹⁶. Несколько иная модель бихевиористского объяснения в социологии была предложена Дж.К.Хомансом. Для подхода, предложенного Хомансом, характерны (в порядке убывания значимости):

- приверженность тезису единства метода и дедуктивно-номологической модели объяснения (см.: Рис.1);
- редукционизм;
- методологический индивидуализм (номинализм).

---

¹⁴ Таким образом, понятие “подкрепления” удастся определить без обращения к телеологии, а именно - как специфические (непредвиденные) последствия поведения, влияющие на частоту его воспроизведения.

¹⁵ См. сноску №28, где более строго определяется аргумент “Логической связи”.

¹⁶ Интересны, однако, те возможности для примирения жесткого детерминизма и личной моральной ответственности, которые открывает подобная модель “человеческой деятельности без действующего субъекта”. Поскольку следование долгу больше не подкрепляется позитивными или аверсивными формами контроля, моральный выбор оказывается, строго говоря, свободным (С.Смелянски).

Хоманс подверг критике социологический реализм, восходящий к методологической позиции Дюркгейма. Не отрицая, что человеческое взаимодействие ведет (уже по определению) к возникновению новых, собственно социальных явлений, Хоманс утверждает, что для **объяснения** этого взаимодействия не требуется вводить какие-нибудь новые пропозиции, принципиально отличающиеся от пропозиций, описывающих индивидуальное поведение. Отсюда следует редукционизм Хоманса: то, что, по мнению Дюркгейма, может быть объяснено только социологией, для Хоманса поддается сведению к фундаментальным принципам психологии. Кроме того, недостаточно объяснить социальный факт, указав на другой социальный факт, послуживший причиной первого. Следует специфицировать *конкретный механизм*, связывающий причину и результат. Такой механизм всегда реализуется через поведение отдельных людей и, следовательно, по необходимости будет *психологическим*. Индивидуальные поведенческие реакции, по Хомансу, являются *универсальными психологическими посредниками* между социальными фактами.

Если Скиннер оставляет открытым вопрос о детерминированности или, напротив, интенциональной нейтральности тех “социальных окружений”, которые подкрепляют действие, Хоманс явно формулирует ключевую для современной социальной теории проблему перехода от *индивидуального действия* к широкомасштабной *социальной структуре* (и обратно). Решение этой проблемы, по мнению Хоманса, может быть получено при использовании *дедуктивно-номологической модели объяснения и редукции макросоциального к фундаментальным законоподобным пропозициям, относящимся к уровню поведенческой психологии*. Примером “психологической экспликации” институциональных изменений¹⁷ может служить, в частности,

---

¹⁷ Отсутствие такой “психологической экспликации” целей и действий отдельных агентов - основной аргумент в многолетней полемике Хоманса против функционалистского теоретизирования в стиле Парсонса (оба были коллегами по факультету в Гарварде). Хотя аргументы Хоманса могут быть легко отражены уже с позиций мертоновской ревизии

осуществленный Хомансом анализ процесса распространения машинного производства в английской текстильной промышленности XVIII века.

Хоманс предпринял попытку последовательно вывести закономерности социального взаимодействия на *субинституциональном* уровне (т.е. на уровне преимущественно межличностного или межгруппового взаимодействия), применяя закономерности бихевиористской психологии к специфической ситуации, когда основным источником вознаграждений - т.е. конкретным “социальным окружением” - становится другой человек (или группа). Эта попытка потребовала такого обобщения бихевиористской концепции “подкрепления”, которое сделало бы ее применимой к элементарной ситуации взаимодействия между “Личностью” и “Другим”, когда участники “подкрепляют” друг друга не только материальными, но и социальными благами, в том числе похвалой, вниманием, деньгами, услугами (известность приобрел приведенный Хомансом шуточный пример: психолог подкрепляет голубя пищей, а голубь психолога - ожидаемыми результатами эксперимента). Так как необходимые для такого обобщения понятия *полезности, издержек, прибыли* были позаимствованы из классической экономической теории, та исследовательская программа, которая возникла на основе, заложенной работами Хоманса, получила название *теории обмена*. В самых разных модификациях теоретики обмена используют натуралистскую, дедуктивно-номологическую модель объяснения, трактуя рациональность как *максимизацию полезности*.

структурного функционализма, исторически они сыграли заметную роль в тематизации спора о деятельности и структуре.